

УДК 94(470.331)''18/19''+281.93

DOI 10.26456/vthistory/2026.1.175

Тверские монастыри в новых экономических условиях (вторая половина XIX – начало XX в.)¹

Н.А. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются источники доходов и формы хозяйственной деятельности монастырей Тверской епархии с 1861 по 1904 гг. Отмечается многообразие доходных статей тверских обитателей при ярко выраженной имущественной дифференциации между ними. Большое внимание уделяется развитию монастырского землевладения, включая товарное сельское хозяйство и арендные отношения, торговле хозяйственными и культовыми предметами, обороту финансовых капиталов как способам приспособления тверских монастырей к новым экономическим реалиям капиталистического общества. Делается вывод, что обитатели Тверской епархии в изучаемый период провели существенную работу по адаптации монастырской экономики и увеличению прибылей, однако произошедшие перемены в системе хозяйства ещё в большей степени усилили неравномерность в материальном обеспечении монашества, тем самым обнажив прежние противоречия внутри самой церкви.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, пореформенный период, Тверская епархия, монастыри, монастырское землевладение, монастырская торговля, оборот капиталов, аренда, материальное положение, русское монашество.*

Монастыри в России издавна выступали центрами не только духовной жизни, но и хозяйственной деятельности. Экономическое значение монастырских обитателей к последней трети XVIII в. значительно снизилось в результате серии секуляризационных мероприятий, начиная с времени правления Ивана III, Ивана IV, Петра I и, наконец, Екатерины II².

Однако уже в XIX столетии монастыри начали активно восстанавливать хозяйственный потенциал, возвращать и даже преумножать свои бы-

---

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета Т. Г. Леонтьева.

² См. подробнее: *Комиссаренко А.И.* Государственно-церковные отношения в России в сфере землевладения в XVIII веке (правовые и экономические аспекты) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 155–159.

лые богатства³. Вместе с тем экономические условия в стране значительно изменились: на смену традиционному аграрному хозяйству приходило развивающееся промышленное производство, подкрепляемое ростом финансового рынка, увеличением числа банков, железнодорожным строительством, проникновением арендных отношений в русскую деревню. Решающий импульс в этом поступательном процессе сыграла отмена крепостного права в 1861 г.⁴

Изучение хозяйственной деятельности монастырей в пореформенный период является ключом к пониманию не только экономического развития церкви, но и во многом всего российского общества перед лицом перемен.

Тема экономической жизни монастырей во второй половине XIX – начале XX в. до сих пор не обрела прочного фундамента в отечественной историографии. Первые попытки выявить и охарактеризовать доходы монастырей и монашествующих осуществил во второй половине XIX столетия Д.И. Ростиславов⁵, а их землевладение – в начале XX в. Н.А. Любинецкий⁶. Из-за ограниченности опубликованных данных дореволюционные исследователи занимались в основном сбором и анализом статистических материалов (В.А. Кильчевский⁷, Н.А. Рубакин⁸).

В советской исторической науке монастыри рассматривались – в полном соответствии с марксистско-ленинской концепцией – как «эксплуататоры» общественной собственности и «паразиты» на теле трудового народа (Н.И. Никольский, Е.Ф. Грекулов, В.Д. Бонч-Бруевич и др.⁹). Первые шаги к конструктивному переосмыслению роли монастырей в хозяйственной жизни связаны с именем В.Ф. Зыбковца, который при сохранении прежней идеологической платформы сумел показать продуктивность и масштабы монастырской экономики, ее комплексный характер, в котором сочетались архаичные (труд паломников, примитивная агрикультура) и передовые капиталистические (оборот капиталов, арендные отношения) эле-

---

³ См., напр.: *Водарский Я.Е.* Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // *Русское православие: веки истории.* М., 1989. С. 550–551.

⁴ См. подробнее: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978.

⁵ *Ростиславов Д.И.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

⁶ *Любинецкий Н.А.* Землевладение церковью и монастырем Российской империи: [В 4 ч.] СПб., 1900.

⁷ *Кильчевский В.А.* Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908.

⁸ *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912.

⁹ Ср.: *Никольский Н.М.* История русской церкви. Минск, 1990. С. 465–466, 468; *Церковь в истории России.* (IX в. – 1917 г.): Критические очерки. М., 1967. С. 261–263; *Грекулов Е.Ф.* Русская церковь в роли помещика и капиталиста. Пенза, 1930. С. 20–21, 30–33, 105–106; *Бонч-Бруевич В.Д.* Силы русского клерикализма // *Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России).* М., 1975. С. 210, 215.

менты¹⁰. Этот подход оказался востребован и сохранялся в научной литературе до конца советского периода¹¹.

В современной российской историографии отсутствуют работы, претендующие на прямое продолжение исследовательской линии, начатой Д.И. Ростиславовым и переосмысленной его преемниками. Экономическая деятельность монастырей в XIX в. нашла частичное отражение в одной из глав коллективной монографии, написанной П.Н. Зыряновым, однако её содержание прямо повторяет данные дореволюционной статистики и советской литературы¹². Существует также несколько современных работ, посвящённых отдельным обителям, однако хозяйственная деятельность монастырей в них затушевывается историей монашеской повседневности и церковной благотворительности¹³. Исключением является диссертация Е.С. Терлеевой, однако последняя выполнена в рамках религиоведческого исследования, где основной акцент смещён на философию монастырского хозяйства, в то время как собственно материальное положение и экономическая деятельность обителей изображены чрезвычайно широкими мазками (XI – конец XX в.), что не позволило тщательно проанализировать каждый из этапов и аспектов темы¹⁴.

Таким образом, необходимость целенаправленного изучения именно монастырского хозяйства в меняющихся экономических условиях, в тесной связи с другими составляющими гражданской и церковной истории давно назрела в качестве самостоятельного предмета.

Основным источником по теме выступает делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах Государственного архива Тверской области. В фонде Тверской духовной консистории (Ф. 160) сохранились клировые ведомости монастырей (Оп. 1–62) и ведомости о капиталах (Оп. 1–84), в фонде Экономического правления Тверского архиерейского дома (Ф. 467) – сведения о монастырской поземельной собственности, в фонде Благочин-

---

¹⁰ См. подробнее: *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) М., 1975. С. 28–44.

¹¹ См.: *Литвак Б.Г.* Русское православие в XIX веке // *Русское православие: веки истории.* М., 1989. С. 309–379; *Водарский Я.Е.* Указ. соч. // Там же. С. 501–561.

¹² *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века // *Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / отв. ред. Н.В. Сеницына.* М., 2002. С. 302–331; *Его же.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002.

¹³ См., например: *Андреева Е.В.* Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие: 1861–1935 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; *Волков М.С.* Мужские православные монастыри Тамбовской губернии в XVIII–XIX веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2019; *Горбова И.А.* Монастыри Кубани в конце XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2014; *Овчинников В.А.* Монастыри Русской православной церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII – начало XXI вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2011; *Трошкина Н.Г.* Духовная жизнь и хозяйственная деятельность Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVIII–XIX веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2023.

¹⁴ См.: *Терлеева Е.С.* Хозяйственно-экономическая деятельность Русской православной церкви (на примере монастырей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

ного монастыря Тверской губернии (Ф. 1179) – краткие отчёты о доходах и расходах обитателей. Важные данные содержатся в епархиальных, синодальных и министерских статистических материалах, в незаконченном труде Н.А. Любинецкого о церковном землевладении и Тверском епархиальном статистическом сборнике под редакцией И.И. Добровольского; работы вышли в 1900–1901 гг. и представляют актуальную на начало XX в. картину церковного и монастырского хозяйства¹⁵.

Географические рамки работы объясняются как шириной привлеченных архивных материалов, так и значимым местом Тверской епархии в экономической жизни Русской православной церкви. Монастыри тверской земли представлены как прославленными многовековыми обителями (первоклассным Калязинским Троицким монастырем, заштатной Ниловой пустынью, кашинскими монастырями), так и более скромными по своему происхождению и материальным средствам (Краснохолмским Антониевым, Троицким Селижаровским и др.), что позволяет выстроить комплексную картину хозяйственной жизни монастырей в новых экономических условиях.

Хронологические рамки исследования (1861–1904 гг.) определяются общественно-политической конъюнктурой и включают время от отмены крепостного права и начала полномасштабных реформ правительства Александра II в России до кануна Первой русской революции, изменившей, в числе прочего, реалии хозяйственной жизни церкви.

Тверские монастыри в середине XIX столетия существовали за счёт различных источников доходов; среди них можно отметить государственный оклад (только для штатных обитателей); пожертвования странников и богомольцев; плата за требы, свечи, предметы культа, хозяйственные принадлежности; средства, получаемые от обработки земли, сдачи ее и монастырских строений в аренду, а также купоны с вложенного капитала. Размер и соотношение доходных статей были неодинаковы для разных монастырей.

Так, второклассный мужской Тверской Отроч Успенский монастырь в 1861 г. получил казенных средств на содержание обители, церкви и братии 746,81 руб., свечной и кошельковой церковных сумм – 1 337,2075 руб., процентов с капитала в пользу церкви – 157,88 руб., неокладных сумм (ренды и купонов) на нужды монастыря – 1 357,185 руб., ренты в пользу братии (от мельницы) – 1 166,66 руб., процентов с капитала на их потребности – 206,92 руб., доходов от служения по церкви – 567,045 руб. При этом штат монастыря составлял 17 монахов и столько же послушников, а фактически налицо состояло 11 насельников обители¹⁶.

Штатное содержание второклассного мужского Новоторжского Борисоглебского монастыря также равнялось в этот период 746,81 руб., в то время как церковная сумма (кошельковая, свечная, прикладная) составляла 1 480 руб., а неокладная на обитель и братию (ренды и проценты с капита-

¹⁵ Ср.: Любинецкий Н.А. Указ соч. Т. 1, 3–4; 61. Тверской епархиальный статистический сборник / сост. И.И. Добровольский (далее – ТЕСС). Тверь, 1901.

¹⁶ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 16579. Л. 39–41.

ла) – 946 руб. Эти средства приходились на 15 монашествующих при штате в 17 человек¹⁷.

Прославленная Нилова пустынь находилась за штатом, т. е. на собственном обеспечении; ее церковную сумму составлял ежегодный процент с ценных бумаг в размере 11 877,43 руб., свечной доход – 7 077,8 руб., сборы в кошельки – 406,6 руб. Среди неокладных сумм пустыни можно выделить «милостынные» деньги от самого государя (взамен жалованья) – 85,71 руб., ренту и средства, вырученные монастырем от продажи скота, овса, сена, холста, ниток – 4 371,61 руб., молебные, прикладные угоднику, а также за продажу образов, крестов, книг, акафистов, платов, просфор и собранного в кружки – 20 097 руб. Кроме того, Нилова пустынь получила от Осташковского уездного казначейства ругу на церковные потребности и покупку провизии в размере 114,27 руб. Собственные доходы братии, помимо государственной милостыни, состояли из доходов за службы – 3 754,5 руб., процентов с капитала – 718,4375 руб. На 1861 г. братия пустыни включала, помимо настоятеля, 30 монахов и столько же послушников¹⁸.

Заметно, что обители существенно различались между собой не только по сумме доходов (в целом и на единицу штата), но и по доле каждой из статей.

Важным подспорьем монастырского хозяйства оставалось землепользование. Масштабы землевладения монастырей росли на протяжении всего изучаемого периода и к 1877 г. составляли 21 300 дес., спустя еще десятилетие – уже 28 022 дес. (+ 31,56 %) ¹⁹. Наиболее широко монастырское землевладение было распространено в Новоторжском уезде (13 269 дес.), Осташковском (6 628 дес.) и Вышневолоцком (3 428 дес.), в меньшей степени в Тверском (2 002 дес.) и Кашинском (1 739 дес.), наиболее скромным оно оставалось в Старицком (400 дес.), Калязинском (232 дес.), Бежецком (210 дес.), Весьегонском (106 дес.) и Корчевском (8 дес.). В Ржевском и Зубцовском уездах земельная собственность монастырей не была представлена вовсе²⁰.

Крупнейшими земельными собственниками среди обителей Тверской епархии (размер угодий свыше 1 000 дес.) были пустыни: Могилевская Успенская (13 872 дес.), Нилова (4 623 дес.) с приписной Ново-Соловецкой (1 700 дес.), Николо-Столпенская (1 759 дес.) и Николо-Теребенская (1 346 дес.). Наименьшими (менее 100 дес.) земельными владениями обладали Краснохолмский Антониев монастырь (94 дес.), Тверской архиерейский дом (80 дес.), Кашинская Шестаковская женская община (75 дес.), Троицкий Селижаровский (72 дес.) и Новоторжский Воскресенский женский монастырь (60 дес.)²¹

Основной комплекс постсекуляризационного землевладения монастырей сложился еще в последней трети XVIII в. и преимущественно состоял из сохраненных за обителями старых пожалований от великих князей, царей и

¹⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 16579. Л. 89–90об.

¹⁸ Там же. Л. 155, 162–163.

¹⁹ Подсчитано по: *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 10.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Т. 4. С. 29–30.

императоров, дарений и завещаний от бояр и помещиков. Например, Нилова пустынь продолжала владеть пожалованной от Петра I в 1698 г. пустошью Крупина Горка Валдайского уезда Новгородской губернии с озерами Тихвино, пустошью Жаром, реками Тихвинка и Каменка, а также озером Серемо (в общей сложности порядка 652,62 дес.)²². Ей же принадлежало 253 дес. леса, пожертвованного князем Борисом Михайловичем Лыковым в 1629 г. (владение подтверждено царями Иоанном V, Петром I и императрицей Елизаветой Петровной)²³.

Тем не менее в рассматриваемый период монастыри продолжали приобретать новые участки, в основном через дарение частных лиц, но иногда и ходатайствуя перед Синодом. Так, Осташковский Житенный монастырь обзавелся пустошами Большое Святое и Зуевка от ржевского помещика Василия Петрова Давидова в 1837 г. (90,25 дес.)²⁴, Тверскому Успенскому Желтикову монастырю была пожалована Порядинская лесная дача для нужд починок и на дрова от Правительства в 1882 г. (82,03 дес.)²⁵, Старицкий Успенский монастырь получил пустоши Матюково, Чернеево и Кунино (24 дес.) в завещание от крестьянина деревни Лаврово Дорофея Григорьева, а пустошь Жданово-Соколово (51,49 дес.) – от Правительства в 1868 г.²⁶

В то же время монастыри продолжали быть адресатами благотворительности паломников и богомольцев разного достатка, которые, в соответствии с реалиями эпохи, зачастую вкладывали в обители не деньги, а свидетельства о банковских депозитах, облигации, сберегательные книжки. К 1885 г. капиталы тверских монастырей, выраженные в облигациях и банковских вкладах, составили уже 587 369 руб.²⁷

Самые обеспеченные капиталами обители располагались в Кашинском (187 800 руб.) и Осташковском (144 041,91 руб.) уездах. Финансовые активы монастырей этих двух уездов составляли 56,5 % всех монастырских капиталов епархии²⁸.

К обладающим наиболее обильными капиталами (свыше 40 000 руб.) относились Нилова пустынь (119 298,91 руб.), кашинские Николаевский Клобуков (74 950 руб.), Сретенский (72 050 руб.) и Дмитровский (40 800 руб.) монастыри, а также Троицкий Калязинский (43 576,21 руб.). Меньше всего (менее 4 000 руб.) было вложено в Краснохолмский Антониев мона-

²² ГАТО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 337. Л. 142.

²³ Там же. Л. 137 об.

²⁴ Там же. Л. 254.

²⁵ Там же. Л. 42 об.

²⁶ Там же. Л. 101–101 об.

²⁷ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–84. Д. 34379. Л. 10, 56, 58, 60, 62 об.–63, 65, 68 об.–69, 107, 114–115 об., 172, 175–175 об., 186 об.–188, 208, 213–214, 227–227 об., 234, 236–237 об., 259, 274, 275, 278, 283, 340–341, 343–343 об.

²⁸ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–84. Д. 34379. Л. 10, 56, 58, 60, 62 об.–63, 65, 68 об.–69, 107, 114–115 об., 172, 175–175 об., 186 об.–188, 208, 213–214, 227–227 об., 234, 236–237 об., 259, 274, 275, 278, 283, 340–341, 343–343 об.

стырь (3 100 руб.), Вознесенский Оршин (1 200 руб.) и Троицкий Селижаровский (400 руб.)²⁹.

Круг монастырских ценных бумаг был обширен; в его число входили пятипроцентные билеты Государственного банка и внутреннего с выигрышем займа, трех восточных займов, государственного казначейства, городских общественных банков – тверского, кашинского, новоторжского и иных³⁰. Со всего этого капитала тверские обители получали ежегодных купонов на сумму порядка 29 235,24 руб., в среднем по 1 514,73 руб. на каждую обитель³¹.

Продолжала во второй половине XIX в. развиваться и монастырская торговля. Так, Тверской Христорождественский женский монастырь заработал в 1894 г. от продажи просфор церквям 3 943,75 руб., свечей – 1 148,55 руб., огарков – 234,11 руб., келий и хозяйственных предметов – 135 руб.³² Тверской Успенский Отроч монастырь получил за 1893 г. от просфор 1 222,52 руб., свечей – 1 011,6 руб., огарков – 126,45 руб., хозяйственных предметов – 132,56 руб.³³ Сестры Новоторжского Воскресенского монастыря заработали в 1893 г. от реализации свечей 794,26 руб., просфор – 2 079,25 руб., хозяйственных предметов – 199,25 руб.³⁴ В Вышневолоцком Казанском монастыре получили в 1895 г. от продажи свечей и огарков 1 428 руб., икон, книг, изображений и прочего в лавке – 392,9 руб., просфор – 2 367 руб.³⁵

Таким образом, в распоряжении монастырей находилось сразу несколько рычагов повышения собственного материального благополучия, не считая казенных окладов и требных пожертвований, а именно: обработка и аренда земли, торговля хозяйственными предметами и культовыми принадлежностями (включая свечную), распоряжение процентами с вложенного капитала. Какой же путь дальнейшего обогащения избрали монастыри?

В первую очередь следует отметить, что внешние субсидии в обители к началу XX в. оставались незначительными, составляя на всю епархию 9 498,64 руб.³⁶ Денежные доходы монастырей были в 4,66 раз больше и равнялись уже 44 248,16 руб. (примерно по 1 638,82 руб. на обитель)³⁷. С поправкой на инфляцию эти суммы едва ли могли обеспечить растущие потребности монашества.

Если вновь обратиться к рассмотрению монастырского землевладения, данные показывают, что в 1901 г. поземельная собственность обителей по сводным данным Тверской духовной консистории равнялась уже 30 340,1

²⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–84. Д. 34379. Л. 56, 58, 60, 107, 213–214, 236–237 об., 259, 274.

³⁰ Там же. Л. 10, 60, 107, 114–115 об.

³¹ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–84. Д. 34379. Л. 10, 56, 58, 60, 62 об.–63, 65, 68 об.–69, 107, 114–115 об., 172, 175–175 об., 186 об.–188, 208, 213–214, 227–227 об., 234, 236–237 об., 259, 274, 275, 278, 283, 340–341, 343–343 об.

³² Там же. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 128 об.–129.

³³ Там же. Л. 149 об.–150.

³⁴ Там же. Д. 2. Л. 33.

³⁵ Там же. Д. 3. Л. 34–35 об.

³⁶ ТЕСС. С. XXIII.

³⁷ Подсчитано по: Там же. С. 602–627.

дес. (+ 42,44 % от показателей 1877 г.)³⁸. Самостоятельный подсчёт по выпискам из ведомостей монастырей показывает значение даже несколько выше – 30 721,15 дес. (+ 44,23 %)³⁹.

Обращает внимание эволюция структуры монастырского землепользования: в рассматриваемый период были в значительной степени вырублены монастырские леса, уменьшались и размеры пашни; взамен на это обитатели увеличили количество сенокосов. Так, в Ниловой пустыни из 159 дес. леса пустоши Сергиевской после расчистки осталось менее 80 дес., причем почти весь он был повален бурей 16 июня 1871 г. Аналогично в принадлежавшей монастырю пустоши Раменье-Богдановское из 20 дес. дровяного леса осталось только 14 дес., тоже поваленного бурей, в пустоши Речка из 55 дес. леса – лишь 40 дес. В свою очередь, пашни пустошей Погорелое (22,37 дес.) и Ситная (3 дес.) к концу столетия были обращены в сенокосы. В последней из 11,64 дес. дровяного леса осталось не более 4 дес. «редкого хвойного к употреблению не годного»⁴⁰. В отхожей земле Язы из имевшихся массивов (37 дес.) «лес почти истреблен», а земля обращена в сенокос⁴¹. В земле, отделенной от Сонковского поверстанного леса, «лес почти истреблен», участки земли обращены частично под покос и пашню⁴².

В этих примерах заметна склонность монастырей к выстраиванию экстенсивного хозяйства, что в целом соответствовало соотношению между количеством земли и потенциальных землепашцев.

Отдельные сведения, отраженные в ведомостях, позволяют воссоздать уровень продуктивности монастырского хозяйства. Так, Вышневолоцкий Казанский монастырь получил в 1887 г. от обрабатываемой земли 157 четвертей (1 четверть для сыпучих тел = 209,66 л.) ржи на 628 руб., 212 четв. овса – на 559,68 руб., 31 четв. ячменя – на 99,2 руб., 26 четв. гречи – на 83,2 руб., 4 четв. гороха – на 51,2 руб., 55 четв. картофеля – на 828 руб., капусты и других овощей (неуказанное количество) – на 2 000 руб., 5 000 пуд. сена (1 пуд = 16,38 кг) – на 1 000 руб. Количество скота обитатели на тот момент составляло 19 лошадей и 30 коров⁴³.

Вместе с тем значительная часть земли монастырей не обрабатывалась ими, а сдавалась в арендное содержание. Так, на рубеже XIX–XX вв. Тверская епархия заняла второе место в России (после Херсонской) по абсолютным размерам сдаваемой в аренду монастырской земли (6 660 дес.)⁴⁴ и шестое – по относительному количеству (22,67 %)⁴⁵.

³⁸ ТЕСС. С. XXIV.

³⁹ Подсчитано по: Там же. С. 602–627.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 337. Л. 138 об.–140 об.

⁴¹ Там же. Л. 140.

⁴² Там же. Л. 140 об.

⁴³ Там же. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

⁴⁴ Подсчитано по: *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 35.

⁴⁵ Подсчитано по: Там же. С. 9–10, 35.

Суммарные доходы обитателей от аренды к началу XX в. составляли 60 511,43 руб., или в среднем по 2 241,16 руб. на монастырь⁴⁶. Эта сумма в 6,37 раза превосходила размеры государственного финансирования и в 1,37 раза – прочие денежные доходы. Данное обстоятельство позволяет говорить о превращении ряда тверских монастырей не только в крупных земельных собственников-латифундистов, но и важных арендодателей.

Крупнейшим арендодателем был Тверской архиерейский дом, сдававший ежегодно земли и строений на сумму в 31 061 руб. Важную роль рентные платежи играли в жизни Троицкого Калязинского монастыря, составляя в год 14 736,15 руб. На этом фоне весьма скромно выглядит Нилова пустынь с доходами от аренды в 3 164,3 руб. Рента других тверских монастырей не превышала 2 000 руб., а у 11 обитателей (включая 4 женские общины) такие доходы не выявлены⁴⁷.

Дальнейшее развитие среди монастырей получил и оборот капиталов. В 1901 г. обитатели скопили уже 1 148 800 руб. (+ 95,58 % от показателей 1885 г.). Вложенный в одни только пятипроцентные государственные займы, этот капитал мог принести не менее 57 440 руб. (+ 96,48 %)⁴⁸. Это дает основания считать обители новыми рантье и важными кредиторами российского внутреннего рынка.

Крупнейшим обладателем капитала оставалась Нилова пустынь, состояние которой к началу XX в. возросло до 240 052 руб. (+ 101,22 %); за ней следовал молодой и быстроразвивающийся Вышневолоцкий Казанский женский монастырь (150 800 руб., или + 525,73 %), на третьем месте – первоклассный Троицкий Калязинский (137 590,82 руб., или + 215,75 %). У остальных обитателей скопленные капиталы не превышали 100 000 руб., а у большей части – и 50 000 руб. Между богатейшей Ниловой пустынью и беднейшей Бежецкой Благовещенской женской общиной (капитал 2 240 руб.) отношение вложенных сумм составляло 107,17 раз⁴⁹.

Таким образом, тверские монастыри демонстрируют широкую материальную вовлеченность в новые экономические условия, сложившиеся в период со второй половины XIX до начала XX в. Не довольствуясь системой государственных штатов и пожертвованиями частных лиц, обители развернули масштабную хозяйственную деятельность, содержанием которой стали капитализация монастырской поземельной собственности (через институт аренды), усиление товарооборота (свечей, культовых и хозяйственных предметов) и превращение денежной массы монастырей в финансовые активы. Иными словами, логика капиталистического развития в России того времени не оставила монастыри безучастными свидетелями происходивших перемен, а сделала их одними из наиболее ярких и активных участников.

Вместе с тем данные свидетельствуют, что экономически «состоялись» в новых условиях единицы обитателей, тогда как для многих требования

⁴⁶ Подсчитано по: ТЕСС. С. 602–627.

⁴⁷ Подсчитано по: Там же.

⁴⁸ Подсчитано по: Там же. С. XXIII.

⁴⁹ Подсчитано по: ТЕСС. С. 602–627.

времени не оказали существенно позитивного влияния, а в ряде случаев – окончательно подорвали и без того слабые, обветшалые и полузабытые монастыри во внутренней конкуренции с другими обителями. Тем самым экономический рост, распространение товарных отношений, ренты и купона внесли ключевой вклад в размежевание состоятельного и бедного духовенства (в данном случае – черного), их имущественную и – шире – социальную дифференциацию, реанимировав и усилив внутрицерковные разногласия, подготовив церковь к общероссийской и своей собственной революции.

Об авторе:

КОЗЛОВ Никита Андреевич – аспирант, ассистент, кафедры отечественной истории, Тверской государственной университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31, каб. 207), e-mail: Kozlov.NA@tversu.ru

Tver Monasteries in the New Economic Conditions (second half of the 19th – early 20th century)

N.A. Kozlov

Tver State University, Tver, Russia

The article examines the sources of income and economic activities of the monasteries of the Tver Diocese from 1861 to 1904. It notes the diversity of income sources for the Tver monasteries, along with a pronounced differentiation in property between them. The article pays considerable attention to the development of monastic land ownership, including commercial agriculture and leasehold relations, trade in household and religious items, and the circulation of financial capital as ways for the Tver monasteries to adapt to the new economic realities of capitalist society. It concludes that the monasteries of the Tver Diocese during the period under study undertook significant work to adapt their monastic economies and increase profits. However, the changes in the economic system further exacerbated the unevenness in the material support of the monastic community, thereby revealing previous contradictions within the church itself.

Keywords: *Russian Orthodox Church, post-reform period, Tver diocese, monasteries, monastic land ownership, monastic trade, capital turnover, rent, financial situation, Russian monasticism.*

About the author:

KOZLOV Nikita Andreevich – Postgraduate Student, Assistant of the Department of National History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207), e-mail: Kozlov.NA@tversu.ru

Статья поступила в редакцию 23.08.2025 г.

Подписана в печать 21.04.2026 г.